

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/69/1

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Александр Геннадьевич Андрушкевич¹,
Всеволод Адольфович Ладов²

^{1, 2} *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия,*

¹ *andryusha.fsf@gmail.com*

² *ladov@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждается проблема границ контекста при употреблении двусмысленных слов и выражений. Рассматривается концепция контекста Каплана и Перри, определяющая значения при употреблении индексикалов, но недостаточная для установления значения иных типов языковых выражений. Демонстрируется новый подход дискурсионной интерпретации контекста, значительно расширяющий его границы.

Ключевые слова: философия языка, семантика, контекст

Для цитирования: Андрушкевич А.Г., Ладов В.А. Контекстуальные аспекты определения значения языкового выражения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 5–11. doi: 10.17223/1998863X/69/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

CONTEXTUAL ASPECTS OF DETERMINING THE MEANING OF A LANGUAGE EXPRESSION

Alexandr G. Andrushkevich¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1, 2} *Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk Scientific Center,
Tomsk, Russian Federation*

¹ *andryusha.fsf@gmail.com*

² *ladov@yandex.ru*

Abstract. In modern analytic philosophy, a special type of words, whose meanings are very sensitive to the context, is distinguished. Indexical terms such as “I”, “this” or “today” acquire their meanings depending on the speech situation in which they are used. Based on the analysis of such words, an idea is formed of what the context of a language expression is. In general terms, context consists of three components: agent, time and position. However,

when analyzing the meaning of legal language ascriptive expressions, we find that sometimes quite different contextual factors influence or determine the meaning. This circumstance determines the need to clarify our ideas about what the context of a linguistic expression is. Depending on these our ideas, the ways of interconnecting words and contextual factors also change.

Keywords: philosophy of language, semantic, context

For citation: Andrushkevich, A.G. & Ladov, V.A. (2022) Contextual aspects of determining the meaning of a language expression. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 5–11. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/1

Про современную аналитическую философию можно с уверенностью говорить, что ее предметная область не ограничена исследованием одного только языка как такового. Еще в конце прошлого века фокус внимания представителей традиции распространился и на феномен контекста. Очевидно, что подобная ориентация позволяет более глубоко исследовать язык, характер его функционирования, поскольку практика языка никогда не бывает изолированной от конкретной ситуации употребления слов или выражений. Не последнюю роль в акцентировании внимания на контексте сыграли характерные слова, значения которых прямо им определяется. Речь, очевидно, идет о таких словах, которые называют индексикальными терминами и демонстративами. Однако в определенном смысле подобный подход служит исследователям дурную службу. Он, с одной стороны, способствует философскому исследованию языка. Но с другой – существенно сужает наши представления о том, что такое контекст. Дело в том, что при погружении в семантическую проблематику может сложиться ощущение, что контекст употребления выражений представляет собой просто речевую ситуацию, состоящую из говорящего, места и времени употребления языка и неких обстоятельств, окружающих агента речи. В настоящей работе мы намерены показать, что иногда контекст выражения представляет собой нечто более объемное и, соответственно, иным образом определяет значение слов.

Но сперва попробуем углубиться в широко распространенные представления о тех типах слов, значения которых наиболее чувствительны к контексту. Дэвид Каплан относит к таким словам индексикалы и демонстративы. Так, в случае индексикалов их «референт зависит от контекста употребления и что значение слова обеспечивает правило, которое определяет референт с точки зрения определенных аспектов контекста» [1. Р. 490]. Такими аспектами могут являться конкретный день, когда кто-то произносит «сегодня» («сегодня у меня день рождения» указывает именно на тот день, в который данное выражение употребляется), сам говорящий, когда использует «я» (значение «я голоден» зависит от того, кто использует данное выражение), и т.д. Общим для индексикалов является то, что решающую роль в их значении играет определенный аспект речевой ситуации.

Помимо индексикальных терминов, Каплан называет еще демонстративы, которые представляют собой особый случай индексикального выражения. Он пишет, что «для определения референтов требуется ассоциированная демонстрация: обычно, хотя и не всегда, (визуальное) представление локального объекта, различаемого путем указания» [Ibid.]. Под демонстрацией подразумевается, к примеру, указание пальцем. Так, выражение «это мой друг»

обретает конкретное значение только в том случае, если сопровождается каким-либо невербальным указанием. Поскольку подобного рода ассоциированная демонстрация осуществляется непосредственно вместе с употреблением языкового выражения, постольку наличие или отсутствие объекта, на который происходит указание, является частью речевой ситуации. Так, к примеру, выражение «вот что я тебе купил» может иметь два различных смысла в двух различных речевых ситуациях. При употреблении данного выражения Джон может демонстрировать пустую сумку или сумку с пирожными. Соответственно, наличие или отсутствие пирожных в сумке Джона мы определяем в качестве составляющего аспекта речевой ситуации.

Следующим шагом мы намерены продемонстрировать, что иногда представление о контексте как о речевой ситуации не играет никакой роли в установлении значения выражения, что последнее требует акцентирования внимания и включения в контекст иных, не составляющих ситуацию аспектов.

Начнем с того, что Джон Перри различает две формы контекста: он называет их «узкий» и «широкий» контексты [2. Р. 5]. Узкий контекст состоит из агента, времени и позиции. Иными словами, его составляют тот, кто говорит, время и место, когда употребляется языковое выражение, а также то, что Перри именуется «позицией». Под позицией следует понимать не только место, находясь в котором, агент речи употребляет выражение, но и определенные обстоятельства, связанные с этим местом и положением говорящего. Так, к примеру, «мне так удобно» будет иметь различные смыслы в зависимости от того, лежит или сидит говорящий. Или «я так не смогу» будет зависеть от того, за какой просьбой следует данное выражение. К примеру, Молли показывает, как нужно чистить яблоки, на что Джон возражает: «Я так не смогу». Но мы легко можем допустить что «так» при иных обстоятельствах будет иметь иное значение. Таким образом, то, что Перри именуется узким контекстом, есть не что иное, как речевая ситуация.

Несколько иная ситуация с широким контекстом. Перри пишет: «Более широкий контекст состоит из... всего остального, что может иметь значение в соответствии с работой конкретного индексикала» [Ibid.]. Например, Джон может показать руками размер и сказать «вот такой величины», и значение выражения будет определяться тем размером, который Джон показывает руками. С одной стороны, подобная корреляция уже отчасти подразумевалась Капланом, но Перри существенно дополняет его идею о демонстративах тезисом о том, что демонстрация не обязательно является указанием. Нам несложно предположить выражение «Билл уже», сопровождаемое в одном случае покручиванием указательным пальцем у виска, а в другом – жестом, отсылающим к тому, что Билл спит. Таким образом, употребление предложенного выражения в данной конкретной ситуации не содержит демонстративного указания на Билла, но при связанном сопровождении различными жестами имеет различные значения.

Трудно не согласиться с тем, что картина, представленная таким образом, выглядит вполне завершенной. Но тем не менее мы склонны полагать, что помимо индексикалов имеют место и иные типы слов или языковых выражений, значение которых чувствительно к контексту.

Рассмотрим в качестве примера выражение «Суд признает Смита виновным в убийстве жены». Наиболее вероятной речевой ситуацией для данного

выражения, по всей видимости, будет окончание судебного заседания и озвучить его будет, предположим, судья. Таким образом, мы имеем следующие компоненты, составляющие речевую ситуацию: судья, зал судебного заседания и, допустим, 5 марта 2020 г. Эти три аспекта составляют узкий контекст, но, как можно заметить, само выражение не содержит в себе никаких индексикалов. Однако его рассмотрение вне контекста не позволяет однозначно установить его значение. Некоторые составляющие выражение слова представляются как двусмысленные: слово «суд» может означать как судебный институт в целом, так и данный конкретный суд; фамилия Смит может отсылать и к Биллу, и к Джону, так как они братья и носят одну фамилию; «убийство жены», по всей видимости, может указывать на все случаи, когда жертвой убийства становилась замужняя женщина. Хотя Перри в работе «Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents» не обходит вниманием случаи подобной двусмысленности слов, он тем не менее сосредоточивает внимание именно на особенностях индексикалов и демонстративов. А каким образом контекстуально устанавливается значение других терминов и целых выражений? Попробуем прояснить этот момент.

Первым делом необходимо определиться с характером данного выражения. Мы склонны полагать, что «суд признает Смита виновным в убийстве жены» представляет собой аскриптивное языковое выражение. Смитуприписывается определенный юридический статус, т.е. «виновен». Очевидно, что данный аскриптивный акт осуществляется на основании определенных норм уголовного права. Как замечает В.В. Оглезнев, в данном примере «наблюдается соединение конкретного эмпирического факта (например, того, что он дал жене смертельную дозу яда) и юридических последствий, вызванных этим фактом» [3], но в непосредственной речевой ситуации не наблюдается никаких эмпирических фактов. Более того, мы можем представить, что в рамках данной речевой ситуации нет также и обвиняемого. Таким образом, еще раз подчеркиваем, речевая ситуация лишена однозначных аспектов, позволяющих установить окончательное значение языкового выражения. Те представления о контексте, которые развивают Каплан и Перри, ни в какой форме не проясняют значения «суд признает Смита виновным в убийстве жены».

Но что, если контекст можно иногда рассматривать шире, чем просто речевая ситуация? Каким образом контекст выражения обеспечивает устойчивую связь с тем обстоятельством, что некое событие соединяется с его правовыми последствиями? Попробуем прояснить наши интуитивные предположения.

Вернемся к анализу предложенного выражения юридического языка. Повторимся, что при рассмотрении данного выражения, вырванного из контекста, возникает ряд затруднений. Связаны они со следующими обстоятельствами: в каком смысле употребляется слово «суд»; о каком из всего множества Смитов идет речь; о каком именно трагическом случае гибели замужней женщины идет речь; в каком смысле Смит виновен.

1. Как уже было отмечено выше, слово «суд» может употребляться как указание на судебную систему в целом, так и указывая на конкретный суд. Предположим, что данное выражение озвучивает судья Московского городского суда. Безусловно, подобное уточнение отчасти проясняет речевую си-

туацию (место или, как бы это назвал Джон Перри, позиция говорящего), но ведь агентом речи является не суд, а судья. В данном случае функционирование контекста похоже на анафорическую связь. Так, Перри указывает, что «в случае анафоры контекстуальные факты связаны с отношением высказывания к предыдущим существительным в дискурсе» [2. Р. 4], но в рассматриваемом случае нет как такового предыдущего существительного в рамках дискурса. Роль предшествующего предложения, с которым осуществлялась бы связь, играет судебный процесс, состоящий не только из ряда предложений, но также и действий, событий и проч. Связь эта функционально похожа на анафорическую, но таковой не является. Мы предлагаем называть данную связь дискурсивной. То есть слово «суд» в рассматриваемом выражении дискурсивно связано с предшествующим судебным процессом.

2. Аналогичная дискурсивная связь связывает обвиняемого с фамилией Смит, которая, как известно, достаточно широко распространена.

3. Подобным образом дискурсивно связаны конкретный эмпирический факт (убийство) и употребляемое в рамках выражения «убийство жены».

4. Ситуация со словами «Смит виновен» существенно иная. Дело в том, что посредством данных слов реализуется аскриптивный акт, т.е. такое действие, посредством которого Смит приписывается определенный юридический статус. Соответственно, контекстом для данного акта аскрипции являются не только речевая ситуация и судебный процесс, который можно формально определить как дискурсивные обстоятельства, но и определенный комплекс правовых норм. Мы хотим сказать, что не для всех ситуаций употребления «Смит виновен» имеет место такая же или подобная совокупность нормативно-правовых установок. Иногда таковых не имеется. Как, например, при употреблении выражения «Смит виновен в том, что мы опоздали на вечеринку». «Смит виновен» в каждом из двух примеров при том, что это одно и то же словосочетание употребляется в принципиально различных значениях. Таким образом, для изначально заданного выражения справедливо утверждение того, что частью контекста его употребления выступает, скажем, норма уголовного права. Именно данная норма является необходимым для установления значения контекстуальным аспектом. Важно иметь в виду, что определенная совокупность норм права не только определяет значение «Смит виновен», являясь аспектом контекста употребления «суд признает Смита виновным в убийстве жены», но также определяет и весь предшествующий выражению дискурс. В связи с данным обстоятельством и с целью упрощения восприятия рассматриваемой темы предлагаем считать нормы уголовного права составляющими того дискурса, который предшествует употреблению выражения.

Итак, мы определили, что в рассматриваемом примере контекст помогает установить значение выражения. При этом сам контекст следует определять дискурсивно, т.е. как определенную практику, состоящую из множества слов, предложений и иных действий, которые все реализуются на основании имеющейся правовой нормы. Связь между словами и контекстом, повторимся, мы определяем как дискурсивную. Однако остается одно не до конца понятное обстоятельство, которое требует, чтобы на него обратили внимание. В каком смысле «суд признает»? Почему агент речи говорит не от своего имени и каким образом судья осуществляет какого-либо рода демонстрацию?

И осуществляет ли он ее вообще? Каким образом контекст обеспечивает адекватное понимание выражения, а не предположение о том, что судебная система в целом или конкретно Московский городской суд как часть этой системы в состоянии осуществлять такие действия, как признавать Смита виновным?

Для искушенного в юриспруденции человека подобного рода вопросы, вероятно, не возникнут. Как известно, судебная система или суд как местный орган власти сам по себе не обладает никаким сознанием. Судья говорит и действует от имени судебной системы, т.е. осуществляет репрезентативную функцию. Таким образом, решения и действия судьи номинально представляются в качестве решений и действий судебной системы в целом. Подобная репрезентативность представляет собой один из дискурсивных аспектов контекста употребления выражения.

Попробуем прояснить последние соображения на отвлеченном примере. Представим, что к профессору подходит староста группы и говорит: «Мы просим перенести занятие на другой день». Староста группы один, и не до конца понятно, почему он употребляет местоимение множественного числа. Но аналогично описанному выше староста осуществляет репрезентативную функцию, говоря и действуя от имени группы. В данной ситуации то обстоятельство, что староста представляет собой лицо, репрезентирующее группу лиц, следует определять как один из составляющих дискурсивный контекст аспектов. И именно контекст, т.е. знание того, что данный человек является старостой группы и говорит от имени группы, помогает определить значение «мы».

Подводя итоги, еще раз перечислим основные моменты. Хотя применительно к индексикалам рассмотрение контекста как сугубо речевой ситуации представляется достаточным для прояснения значения, в определенных случаях подобный подход недостаточен. Как минимум при рассмотрении некоторых выражений (в частности, выражений юридического языка, содержащих аскриптивные акты) требуется иное концептуальное представление о том, что такое контекст. Мы предлагаем в таких случаях рассматривать контекст дискурсивно, т.е. учитывать не только предшествующее выражению предложение, но и деятельность, в рамках которой употребляется языковое выражение. Иногда аспектами этой деятельности выступают не только события, действия или сказанные слова, но также определенные нормативные установки и функции, реализуемые участниками данного процесса.

Список источников

1. Kaplan D. Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals // *Themes From Kaplan* / J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein (eds.). Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
2. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents / A. Aliseda, Rob van Glabbeek, Dag Westerstaahl (eds.) // *Computing Natural Language*. Stanford, 1998. P. 1–12.
3. Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2010. № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/askriptivnost-kak-ontologicheskoe-svoystvo-yuridicheskikh-ponyatiy> (дата обращения: 26.08.2022).

References

1. Kaplan, D. (1989) Demonstratives: An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes From Kaplan*. Oxford University Press. pp. 481–563.

2. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. In: Aliseda, A., Glabbeek, R. van & Westerstrahl, D. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford: CSLI. pp. 1–12.

3. Ogleznev, V.V. & Tarasov, I.P. (2010) The ascriptivity as ontological characteristic of legal concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(12). pp. 101–110. (In Russian).

Сведения об авторах:

Андрюшкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск), ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk Scientific Center (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, head of the Laboratory for Logic and Philosophy Analysis, leading researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*